

Монгольская империя
Чингиз хан — Тэмуджин
(1162 -1227)

Алексей Гатапов
ЦИНГИСХАН

ᠴᠢᠨᠭᠢᠰᠢᠬᠠᠨ

Тэмуджин · Рождение вождя

ᠲᠡᠮᠦᠳᠵᠢᠨ

Издательство АСТ
Москва 2017

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Г 23

Алексей Гатапов

Г23 Тэмуджин. Рождение вождя. Чингисхан. / А. Гатапов. — Москва : Издательство АСТ, 2017— 640 с.: ил.

ISBN 978-5-17-102792-6

Юный Тэмуджин потерял отца и познал жестокость и несправедливость мира еще в раннем детстве. Однако огромная сила воли, крепость духа и врожденная непокорность позволили мальчику преодолеть трудности, выжить и завоевать уважение соплеменников. Алексей Гатапов пишет о том, как ребенок превращается в мужчину, и это совсем не простая история взросления, ведь в романе реконструируется детство Тэмуджина, будущего Великого Хана — Сотрясателя вселенной. Легендарный Чингисхан, грозный завоеватель, жестокий и властный правитель, основатель Монгольской империи, здесь показан с непривычной стороны: как живой человек, которого окружают родные и незнакомцы, друзья и враги. В романе подробно воссоздан быт древних монголов, их речь и обычаи. Читатель почувствует свежий степной ветер, услышит топот быстрых копыт и ощутит, как мир затаил дыхание в ожидании скорых потрясений.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102792-6

© А.С. Гатапов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Содержание

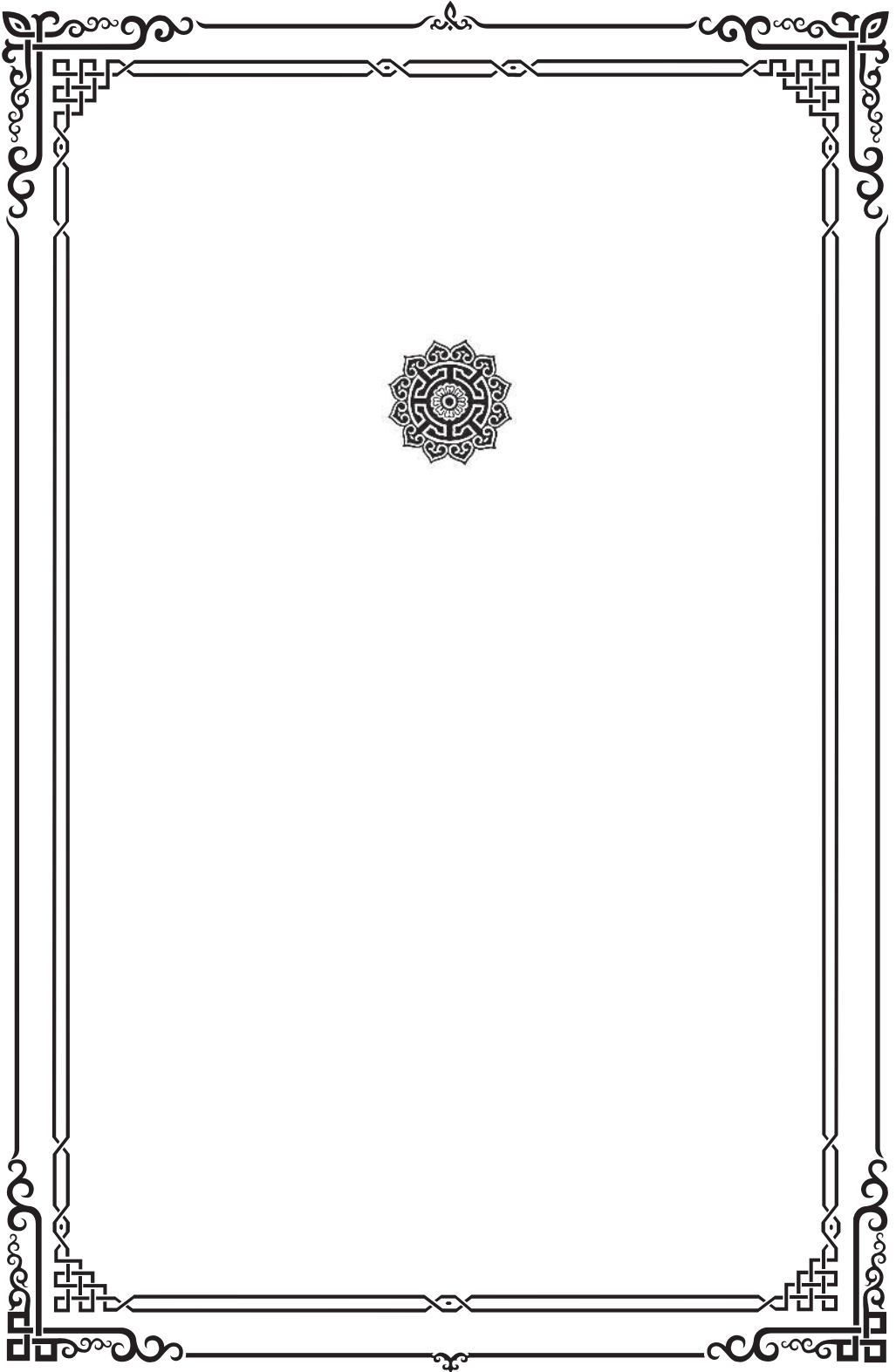
Книга первая.....	7
Часть первая.....	9
Часть вторая.....	80
Часть третья	176
Книга вторая	313
Часть первая.....	315
Часть вторая.....	423
Часть третья.....	534
Словарь монгольских терминов.....	632

Книга первая

*Всякую лошадь, бегущую хорошо в жирном теле,
если она побежит так же в полтеле и тощей,
можно назвать хорошей.*

*Всякий, кто может вести верно дом свой,
может вести и владение;
всякому, кто может устроить десять человек...
прилично дать тысячу и десять тысяч,
и он сможет устроить их хорошо.*

«Билик» (изречения Чингисхана)

Часть первая

I

Есугей, будущий отец Чингисхана, слыл одним из самых знатных внуков великого Хабул-хана и исчислял себя в двадцать втором поколении от породителя их племени Бортэ Чоно. Еще во времена тюрков Тумэн-хагана отважный Бортэ Чоно переплыл Внутреннее море с запада на восток и пришел в долину Онона. Здесь от него и пошло по земле племя монголов. Потомки его так размножились за века, собрали вокруг себя столько разного народа, что от тесноты и многолюдства уже начали враждовать между собой.

Хабул, дед Есугея, первым собрал всех монголов под свое знамя и повел их на чжурчженей, которые до этого тучами наводнили степь и рыскали повсюду в поисках добычи и жертвы, и многие племена были ими рассеяны и истреблены. В двух битвах монголы наголову разбили тех разбойников и прогнали их обратно, за Длинную стену. И благоденствовали бы монголы, если бы не подлые татары, эти чжурчженские прихвостни. Не было в те годы, пожалуй, ни одного лета, чтобы они не напали на монгольские курени, не угнали табуны и людей. Хабул-хан жизнь свою положил на борьбу с татарами, от татарской стрелы и покинул он этот мир.

От Хабул-хана пошел род киятов¹. Имея семерых сыновей, Хабул-хан трон свой завещал не кому-нибудь из них, а своему троюродному брату

¹ Кияты — род, из которого произошел Тэмуджин (будущий Чингисхан).

Амбагаю из рода тайчиут. Амбагай же захотел помириться с татарами и поехал к ним, чтобы посвататься, а те схватили его и передали в руки чжурчженей. Перед смертью он сказал, кому отдать ханский трон: тоже не своим детям, а снова киятам — четвертому сыну Хабул-хана, Хутуле-багатуру¹. Так рука об руку шли два старших рода в племени монголов — кияты и тайчиуты.

Хутула умер молодым, не успев назвать преемника. Достойные были и у тайчиутов, и у киятов. В племени поговаривали о Есугее, но тайчиуты настойчиво прочили своего сородича — коварного и властолюбивого нойона Таргудая Хирэлтэга.

Имя Есугея среди монгольских нойонов возвысилось в последнюю войну с татарами. Вдобавок к своим породным нукерам, полученным в наследство от покойного отца, он набрал трехтысячный отряд из безусых юношей, молодых рабов и сброда охотников. Обучил их в короткое время, одел, вооружил, и с такой яростью бились они под его рукой, что татары прозвали их голодными осами Есугея-нойона.

В сражении у Джили-Буха Есугей поднял упавшее знамя Хутулы и бросился впереди своих на отборный тумэн противника. Сотни его одна за другой взбесившимися роями впивались в ряды врага, потеснили его и захватили главную ставку татар. Хан их Мэгуджин-Соелту едва успел спастись, сев на полудикого верблюда.

Обогатился Есугей в той войне несказанно. Несчетные табуны лошадей и верблюдов, стада коров, овец, семьдесят с лишним арб, наполненных китайскими тканями, войлоком, чугунными и железными котлами, оружием и доспехами привел он оттуда с собой.

Воинов, бывших с ним в походе, он расселил на своей земле. По границам его владений теперь встали новые курени. Бывшие разбойники, пленники, беглецы без роду и племени, женившись на его рабынях и дойщицах кобыл, пополнили число его подданных — и теперь Есугей владел силой немалой.

После победы над татарами в степи стало спокойнее. Меркиты, соседи на северо-западе, тоже давние недруги, увидев, что монголы вошли в силу, откочевали вниз по Селенге и редко показывались на границах. Мелкие племена дагуров на северо-востоке, кочевавшие по низовьям Онона и по Шэлгэ, боялись монголов, в иные годы укочевывали дальше на восток, в неведомые земли по Черной реке.

¹ Багатур — древняя форма монгольского слова «батор», через Золотую Орду перешло в русский язык как «богатырь».

Книга первая. Часть первая

Лишь кереитский поход ненадолго всколыхнул застоявшуюся тишину в степи. Полтора тумэна увел тогда Есугей на реку Толу в помощь наследнику кереитского трона Тогорилу против его младшего брата Эрхэ-Хара. Тот после смерти отца снюхался с найманами из-за Алтайских гор и при их помощи вероломно захватил власть в улусе. Монголы прогнали найманских пособников до самых их границ, прошлись набегами по их окраинам и тоже захватили немалую добычу.

Праздную победу, Есугей с Тогорилом побратались на крови из своих жил, поклялись приходить на помощь друг другу по первому зову. Многие монгольские нойоны, поначалу не отозвавшиеся на клич Есугея, посчитав, что не много добычи будет из такого похода, теперь истекали завистью, услышав об этом. По лицам их видел это Есугей, возвратившись из похода. Поздно они поняли смысл его побратимства с Тогорилом: силу всего кереитского ханства имел теперь Есугей за своей спиной, если кто вздумает поднять на него оружие. Для многих, кто раньше соперничал с ним во влиянии в племени, он стал не под силу. Могущественные нойоны, повелители тумэнов, раньше снисходительно усмехавшиеся при имени молодого Есугея, теперь поприжали рты.

Было у Есугея две жены и дети от них. Еще пяти лет не исполнилось ему, когда отец его Бартан-багатур просватал за него дочь онгутского нойона — двухлетнюю Сочигэл. Сваты обменялись поясами, а на Есугея пал долг взять ту Сочигэл в жены, когда подоспел пора. Но когда пора подоспела, он встретил другую. В безлюдной степи, возвращаясь с соколиной охоты, в повозке случайного путника он увидел девушку необычайной красоты. Глаза ее, блестящие черным огнем, словно крупные ягоды черемухи после теплого ливня, обдали пораженного Есугея светом и лаской. Путник оказался меркитским багатуром Ехэ Чиледу. Высватав эту девушку из племени олхонут, он вез ее в свой курень. Но с детства не такой был Есугей, чтобы отказаться от того, что ему однажды понравилось. Подобно молодому лосю на осенней свадьбе прискакал он к братьям и рассказал о своей задумке. Но те наотрез отказались ему помогать.

— У тебя уже есть невеста, — сказал старший брат Негун-тайджи. — Отец просватал, когда был еще жив. Что он скажет, когда с неба увидит нас с чужой бабой?!

— Ты что, хочешь нас с онгутами поссорить? — поддакнул ему Мунгэтэ. — Этого еще нам не хватало. Амбагай-хан узнает, так он тебе покажет, как в степи баловать.

— Отец и Амбагай-хан простят меня, — не сдавался Есугей. — Делом заслужу. Не поедете вы, поеду с Даритаем.

Алексей Гагапов. Тэмуджин

Братья переглянулись. Они знали нрав Есугея.

— Ладно, съезжу с ними, — проворчал Негун-Тайджи и посмотрел на Мунгэгэ. — Отпусти их одних, они еще убьют человека и с меркитами войну завяжут.

Втроем они догнали одинокую повозку меркитского воина и напали с трех сторон. Меркит ускакал верхом, а молодая жена досталась Есугею. Так Оэлун, однажды выданная в меркитское племя, стала женой монгольского нойона.

Есугей сам ездил к ее сородичам на поклон. Те поартачились для виду, но смирились, когда Есугей назвал число своего калыма — за воровство. Зато долго не могли успокоиться свои сородичи, братья отца да их жены, вредные старухи. Поначалу они не упустили случая, чтобы выставить его жену на посмешище. Но Оэлун оказалась женщиной на редкость хорошо обученной. Никто из других невесток рода не мог так достойно встретить гостей, оказать почесть старшим, приличное слово сказать.

— Пышущих злобой заставит сладко улыбнуться, — так про нее сказали потом те же самые старухи.

Сородичи примирились с ней, но принудили Есугея выполнить и старый долг.

— Ты должен жениться и на онгутке, — сказали ему дядья. — Это дело нашего брата, и мы его так не оставим.

Так в одно лето Есугей женился раз за разом на двух женщинах. На родовом обо¹ он молился духу отца, просил благословения. По-старинному, не скотским, а звериным мясом и кровью приносил он жертвы своему отцу.

На другой год жены принесли ему по сыну. Сын от Оэлун появился из утробы, сжимая в правой руке кровавой сгусток размером с баранью бабку. Все были поражены таким неслыханным случаем. Со всего племени съехались шаманы — и белые, и черные. Днем белые шаманы молились западным богам, ночью черные призывали восточных.

На девятые сутки они заявили, что хотят огласить небесную тайну. В юрте Есугея, отогнав подальше лишних людей, собрались ближайшие родичи, дядья, киятские нойоны и старейшины.

— Великим ханом и воителем станет этот ваш новорожденный мальчик, — сказали шаманы. — Девяносто девять тысяч багатуров поставит под свое знамя, девяносто девять стран он завоюет, девятьсот девяносто девять народов примут его законы.

¹ Обо — у монголов-шаманистов место поклонения духам — хозяевам местности.

Книга первая. Часть первая

Сородичи поразмыслили над словами шаманов и решили, что для красноречия они преувеличили размеры владений будущего хана. Но все же обрадовались рождению нового воина и властителя, могущего прославить их род в степи. И тогда Есугей дал этому сыну имя своего злейшего врага, татарского багатура Тэмуджина, сильнее которого он не знал воинов и которого он пленил в тот год.

* * *

Оэлун рожала сыновей через каждые два года — живучих и крепких, как медвежата. Дети для нее и были главной заботой, единственной отрадой и думой долгими днями и ночами в чужом племени. Четверых сыновей и одну дочь — младшую — она выпестовала для мужа за все те годы.

Сочигэл через три года после первого ребенка принесла еще одного и больше не рожала. Не хотела мириться с именем второй жены, не прощала обиды.

Есугей все годы после смерти отца, Бартана-багатура, кочевал вместе с близкими сородичами, кият-борджигинами¹. Из четверых сыновей Бартана Есугей был третьим. Старшие его братья Мунгэтэ-Киян и Негун-Тайджи рано ушли к предкам. Мунгэтэ был смертельно ранен в стычке с татарами. Негун погиб в случайной перестрелке с конокрадами. Остались они с младшим Даритаем. Дети и жены старших братьев по обычаю перешли к Даритаю.

Двоюродных братьев в живых было четверо. Старший Хутугта Юрги считался самым спокойным и разумным из всех. Он был сыном старшего брата отца, и Есугей оказывал ему должное почтение. Бесстрастный и неразговорчивый, не имеющий ни близких друзей, ни ярых врагов, он, однако, имел большое влияние среди сородичей. Дележи наследства, анза² за убийство, споры за пастбища — на все у него был готовый ответ, и люди гурьбой ходили к нему за советом. Хутугта, Есугей да дядя Тодоев, младший брат их родителей, оставались за старших в роду кият-борджигинов. Все другие были ниже и по годам, и по кости — дети младших братьев отца.

Бури Бухэ — этот брат был, пожалуй, самым сильным человеком не только в роду кият-борджигинов, но и во всем племени монголов. С огром-

¹ Борджигины — группа близких родов в племени монголов (фратрия), к которой относились кияты. Борджигины происходили от легендарной праматери Алангоа.

² Анза — штраф, возмещение за убийство, увечье и другие преступления сородичам потерпевшего.

Алексей Гагапов. Тэмуджин

ными буграми плеч, наделенный богами медвежьей силой, ум же имел почти детский и единственным делом, которое он хорошо знал и умел, была борьба. У далеких онгутов и найманов про него шли слухи, будто тело его состоит сплошь из кости, без мяса, а сам он черный колдун. Мало находилось желающих встретиться с ним на празднествах, уже многим он поломал хребты. В своем племени польза от него была только на войнах да на свадьбах. На войнах он запугивал врагов, на свадьбах — сватов. В другое время от Бури Бухэ знали один лишь вред, только и слышно было о нем по куреням: тому он руку сломал, другому юрту разворотил, у третьего быку шею свернул — на спор или просто так, из баловства. Не злой был человек Бури Бухэ, простоватый, но опасно было попадаться ему под горячую руку и люди побаивались его, особенно чужие.

Три сына покойного Хугулы-хана — Джучи, Гирмау и Алтан — держались особняком. Себе на уме, они были горды ханским званием своего отца, но открыто показывать это не смели — не те уже были времена, не это давало вес в племени. Да и Есугея побаивались: крут норовом и тяжел на руку старший брат, и перед женами, и перед нукерами может так осрамить, что позора не оберешься. От других они не отставали, вперед не выпячивались, но глухо шептались в своих юртах, что, мол, время придет и посмотрим, что будет, как все еще обернется, быть может, еще и взойдем на высокий ханский трон и тогда покажем всем свое достоинство.

Был в курене еще Ехэ Цэрэн. Жадный до безумства, кроме своего скота да торговли с купцами он мало на что обращал внимание. Табунов имел едва ли не больше всех в роду, но каждую осень, перед самым снегом, со своими нукерами он уходил в дальние набеги, на найманов или онгутов. Петлял по степи с чужими табунами с месяц, заматывая следы, и пригонял коней с незнакомыми метками, пополняя и так уж бессчетные свои косяки. Не раз предупреждали его братья:

— Нарушишь мир с соседями, один будешь отвечать, мы за тебя не встанем.

Тому никакие увещания на пользу не шли, он посмеивался и продолжал воровать. Сыновей у него не было, а дочери от трех жен рождались каждый год, но он был даже рад этому.

— За каждую возьму калым! — хвастался он в разговорах. — А вы еще сыновьям своим будете выделять.

— Тебе украсть легче, — усмехались слушавшие. —хлопот меньше, и на свадьбу с приданым не тратиться.

— Глупые вы люди, — снисходительно качал он головой и пояснял: — Законные кони ворованное скроют. Увидит кто-нибудь найманские метки,

Книга первая. Часть первая

пристанет, как да почему. А я спокойно, без тряски, скажу им: в калым взял, вот и весь ответ, ха-ха-ха! — гулким хохотом заливался он, тряся жирными щеками над засаленным воротом из китайской ткани. — Ха-ха-ха, у них же украду, у них же еще прикуплю, и ни западные, ни восточные черти не разберут, где куплено, где продано, где крадено, ха-ха-ха!..

Каждый из братьев владел долей отцовского наследства, умноженного на свою добычу: это были стада и табуны, отряды нукеров¹, рабы и подданные. Это были и целые рода со своим скотом, были и пленные с давних и недавних войн, много было бродячих воинов, отбившихся от своих племен и пришедших служить за кров и защиту. Этот пестрый народ, встав под знамя нойона, кормился у него и держался в стае, чтобы выжить в смуты и войны, бурлившие в степи от начала времен, а в нужную пору бросался вместе с вождем в кипящую битву, подтверждая свое право быть в его кругу.

Другие рода монголов были разбросаны вверх и вниз по Онону, некоторые кочевали по Керулену. В пору опасности они приставали то к киятам, то к тайчиутам, смотря по тому, у кого было ханское знамя. В мирные годы откочевывали подальше и жили своею жизнью.

Смерть последнего хана Хутулы девять лет назад усилила разброд в племени. Нойоны не стали выбирать нового вождя, решив выждать время траура. Срок уже давно истек, но до сих пор никто не мог сказать имя следующего хана. Кто-то лелеял надежду самому сесть на кошму, другие прибивались к сильнейшим. На редких пирах, когда собирались вместе нойоны племени, все улыбались, кланялись друг другу, а за спиной прощупывали связи, тайно договаривались. Всем было ясно: тишина это зыбкая, в любой день может грянуть гром.

II

Подростки из главного куреня кият-борджигинов, сорванцы лет от семи до девяти-десяти, возвращались с дальних озер. Гусей и уток они настреляли вдосталь, и недовольных на этот раз не было. Даже дети харачу², косматые и оборванные, разбойного вида недоростки, радостно оскаливали по-звериному белые, снежно поблескивающие на солнце зубы.

¹ Нукеры — воины личной гвардии нойона, хана.

² Харачу — черная кость, низшие слои свободного населения, обедневшие соплеменники.